

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИДИОЛЕКСИКОНА НА РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Е. И. Чурикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2025 г.

Аннотация: целью исследования является выявление основных параметров описания влияния идиолексона на развитие словарного состава русского литературного языка. К этим параметрам автор относит: 1) степень доказанности факта влияния идиолексона на словарный состав языка; 2) способ такого влияния; 3) результат влияния индивидуального лексикона на лексику литературного языка; 4) степень сохранности результата данного влияния; 5) статус идиолексона в данном влиянии (исходный источник или посредник).

Ключевые слова: русский литературный язык, история русского языка, лексика, идиолексон, персонема.

Abstract: the purpose of the study is to identify the main parameters of the description of the influence of idiolexicon on the development of the vocabulary of the Russian literary language. The author refers to these parameters: 1) the degree of evidence of the influence of the idiolexicon on the vocabulary of the language; 2) the method of such influence; 3) the result of the influence of an individual lexicon on the vocabulary of a literary language; 4) the degree of preservation of the result of this influence; 5) the status of the idiolexicon in this influence (the original source or intermediary).

Keywords: Russian literary language, history of the Russian language, vocabulary, idiolexicon, personeme.

Проблема влияния одной системы/подсистемы на другую рассматривается в лингвистических работах чаще всего при описании взаимодействия языков или нескольких подсистем национального языка (например, литературного языка и жаргона, диалекта и просторечия). Вопрос о влиянии идиолектов на развитие того или иного языка также неоднократно обсуждался в научной литературе. Однако попытки обобщающего и многоаспектного описания такого влияния предпринимались только в отношении фразеологического состава некоторых языков (в частности, русского языка: см., например, монографию [1] и фундаментальный словарь [2], посвященные крылатым выражениям русского языка).

Насколько нам известно, попытка многоаспектного описания влияния идиолексона (лексической системы языка отдельной личности) на словарный состав русского литературного языка пока не предпринималась.

Рассмотрим, что собой должно представлять научное описание влияние некоторой системы/подсистемы А на систему/подсистему Б в общем виде. С нашей точки зрения, оно предполагает: 1) доказательство самого факта влияния системы/подсистемы А на систему/подсистему Б; 2) определение способа / средства влияния; 3) выявление результата влияния; 4) определение степени сохранности

результатов влияния; 5) определение статуса системы/подсистемы А в данном влиянии (первичный источник или посредник).

Соответственно, для нашего случая — описания влияния идиолексона на лексику русского литературного языка — следует определить: 1) степень доказанности влияния идиолексона А на словарный состав языка; 2) способы / средства такого влияния идиолексона А на словарный состав языка; 3) результат влияния индивидуального лексикона на лексику литературного языка; 4) степень сохранности результатов такого влияния; 5) статус идиолексона А в данном влиянии (первичный источник или посредник). Остановимся подробнее на перечисленных параметрах.

Вопрос о **степени доказанности** влияния идиолексона на словарный состав языка связан с двумя проблемами.

А) **проблема определения критериев установления самого факта такого влияния** идиолексона на лексикон литературного языка. К сожалению, приходится констатировать, что универсального критерия для решения данной проблемы не существует. На что же исследователь все-таки может опираться? Во-первых, на отнесенность данной лексической единицы к широкоизвестному тексту, после публикации которого она получила широкое распространение. Конечно же, таких случаев сравнительно немного. К ним относится, например, вхождение в литератур-

ный язык слов *головотяп*, *благоглупость*, *нигилист*, *бездарь* и некоторых других. Во-вторых, на факт первой фиксации лексической единицы. Однако здесь есть свои трудности. С одной стороны, доказать, что мы имеем в данном случае именно первую фиксацию, бывает трудно. С другой стороны, факт первого употребления в печати далеко не всегда можно приравнивать к факту влияния на литературный язык. В ряде случаев широкому распространению слова способствует совсем другая личность. В-третьих, наличие свидетельства современников или самой творческой личности. Легко понять, что и в этом случае полностью полагаться на такие источники мы не можем. В-четвертых, в нашем распоряжении есть ряд уже проведенных исследований. Однако далеко не всегда результаты этих исследований являются достоверными. В частности, нередко ошибочность выводов обусловлена ограниченностью источников исследования. Имеющийся в настоящее время в распоряжении русистов «Национальный корпус русского языка» в ряде случаев легко позволяет показать, что данная единица использовалась задолго до публикации предполагаемого текста-источника и была при этом достаточно употребительной.

Б) проблема отнесения лексической единицы к словарному составу литературного языка (это касается, прежде всего, статуса ряда научных терминов). С нашей точки зрения, формальным показателем вхождения лексической единицы в лексикон литературного языка можно считать ее включение в авторитетные академические словари русского языка второй половины XX — первой четверти XXI вв. (при всей условности такого решения). К их числу мы относим следующие лексикографические издания: [3] [4], [5], [6], [7], [8], [9].

Учитывая трудность решения названных проблем, укажем, что по степени доказанности мы предлагаем выделять: а) случаи **несомненного влияния**; б) случаи (более или менее) **вероятного влияния**. Примером первого типа (когда мы располагаем необходимыми подтверждениями интересующего нас факта в виде научных исследований, текста самого автора, фиксирующего данную единицу и описывающего свою словотворческую деятельность, а также результатов собственной проверки данного факта с помощью современных инструментов: «Национального корпуса русского языка» и др.) является создание и успешная популяризация К. И. Чуковским слова *канцелярит*. В качестве примера второго типа (когда наша доказательная база далека от полноты) можно привести случай вхождения в словарный состав русского литературного языка лексемы *паровоз* (см. ниже).

2. Вторым важным параметром интересующего нас процесса является **способ влияния идиолексикона на словарный состав языка**. Основными способами такого влияния являются:

а) **Способствование введению нового слова в словарный состав языка**. Это самый очевидный вариант влияния идиолексикона на развитие лексического состава, который можно проиллюстрировать такими общеизвестными авторскими неологизмами М. Е. Салтыкова-Щедрина, как *благоглупость*, *головотяп*, *злыхатель*, которые вошли в литературный язык благодаря популярности произведений писателя.

б) **Способствование введению нового лексико-семантического варианта (уже имеющегося в языке слова) в словарный состав языка**. В качестве примера влияния такого типа можно привести историю появления у слова *ледокол* его современного значения. Как известно, лексема *ледокол* до середины XIX века имела два значения: 1) человек, колющий лед; 2) место (на реке, пруде), где колют лед. В 60-е годы XIX в. в истории слова *ледокол* происходит важнейшее событие. В это время технический прогресс приводит к созданию кораблей нового типа — мощных судов, оборудованных для плавания во льдах и предназначенных для прокладывания пути другим судам в замерзающих водах.

Первоначально для наименования судна, способного пробиться через ледяной покров, стало использоваться слово *ледорез*. Предложение называть такой корабль ледоколом появляется спустя год и связано с именем русского инженера, начальника Морской строительной части Кронштадтского порта **Н. Л. Эйлера** (1816—1898). Он использовал это слово для обозначения судна собственной конструкции — «*минно-гиревого ледокола*». Описание своего проекта Н. Л. Эйлер опубликовал в журнале «Морской сборник» за 1865 г. Приведем фрагмент этой статьи, в котором, по всей видимости, представлено одно из первых употреблений в печати слова *ледокол* в новом значении: «*Предлагается нами морской ледокол, уничтожающий на своем пути все ледные препятствия, не только тогда, когда лед имеет движение, но и тогда, когда он находится в сомкнутом, неподвижном состоянии. Основная идея этого изобретения состоит в том, чтобы при разломе льда как можно менее подвергать само судно усилиям, обыкновенно столь вредным для прочности его корпуса и паровой машины*». Вскоре лексема *ледокол* стала общепринятым наименованием для судов, оборудованных для плавания во льдах (подробнее см. [10]).

Особо следует сказать о том, что влияние идиолексикона на словарный состав литературного языка может не сводиться к введению отдельных слов или лексико-семантических вариантов, а быть более масштабным. Таково, например, влияние на литературный язык лексикона М. В. Ломоносова, многие оригинальные и переводные сочинения которого стали образцовыми для российской науки и культуры в целом, а реализованные в них

принципы развития русской научной терминологии были восприняты многими отечественными учеными и писателями. Эти принципы были сформулированы следующим образом:

— чужестранные слова научные и термины надо переводить на русский язык;

— оставлять непереуведенными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначное русское слово или когда иностранное слово получило всеобщее распространение;

— в этом случае придавать иностранному слову форму, наиболее сродную русскому языку (цит. по [11]).

Руководствуясь данными принципами, М. В. Ломоносов ввел в русский язык многочисленную группу лексических единиц и продемонстрировал применение целого ряда моделей образования слов, способов преобразования заимствований и т.д.

3. Следующим значимым параметром является **определение результата влияния идиолексикона на словарный состав литературного языка**. Представляется, что можно выделить четыре результата такого влияния.

а) **Заполнение лакуны**, предполагающее отсутствие в лексиконе литературного языка однословного обозначения для соответствующего понятия. В качестве примера можно привести вхождение в литературный язык авторского неологизма М. Е. Салтыкова-Щедрина *благоглупость*.

б) **Вытеснение уже имеющейся в языке лексической единицы**, обозначающей данное понятие. Например, вытеснение словом *вертолет* (которое было введено в русский язык известными отечественными авиаконструкторами Н. И. Камовым и Н. К. Скржинским) лексемы *геликоптер* на периферию лексической системы.

в) **Появление синонима имеющегося слова**, не предполагающее вытеснение последнего (таково, например, вхождение в литературный язык авторского неологизма К. И. Чуковского *мойдодыр* 'умывальник', ставшего стилистическим синонимом лексемы «умывальник»).

г) **Изменение значения семантически близкого слова**. Проиллюстрировать этот случай можно историей вхождения в литературный язык лексемы *паровоз*. Как отмечает Ю. С. Сорокин, появление в 1836 г. этого слова (в его создании и популяризации решающую роль сыграл известный журналист Н. И. Греч) постепенно привело к сужению значения слова *пароход*, которое употреблялось с 1820-х годов в привычном для нас значении 'судно, приводимое в движение паровым двигателем', но в 1830-е начало обозначать и «паровую машину, водящую сухопутные поезда» [12].

4. Следующим важным аспектом интересующего нас процесса является **степень сохранности результатов влияния идиолексикона на словарный**

состав языка. С этой точки зрения можно говорить о результатах влияния: а) сохранившихся в неизменном виде; б) сохранившихся в преобразованном виде; в) несохранившихся. Примером первого типа является судьба термина *генофонд*, который был введен советским генетиком А. С. Серебровским и впоследствии прочно занял место в словарном составе русского литературного языка. В качестве иллюстрации случаев второго типа можно привести авторский неологизм И. Северянина *бездарь*, претерпевший акцентологическую трансформацию (*безДарь* — *бЕЗдарь*), грамматическую (изначально — женский род, в современном языке — мужской и женский) и семантическую (изначально — собирательное значение, в современном языке оно является периферийным, основное значение — бездарный человек): *Вокруг — талантливые трусы // И обнаглевшая бездАрь... // И только Вы, Валерий Брюсов, // Как некий равный государь...* (И. Северянин «Прозальная поэза»). Примером третьего типа являются некоторые термины, введенные в русский научный язык М. В. Ломоносовым, но впоследствии вытесненные другими лексическими единицами (*курение* 'испарение', *лествица* 'шкала' и др.).

5. Наконец, еще один важный вопрос, на который должен ответить исследователь: является ли идиолексикон А первичным источником средства Б или системой-посредником, которая, в свою очередь, стала объектом влияния иной системы / подсистемы В? Действительно, в ряде случаев мы сталкиваемся с ситуацией, когда автор способствует вхождению в литературный язык не своего неологизма, а уже используемой кем-либо лексической единицы. Хорошей иллюстрацией «продвижения» уже употреблявшихся лексических единиц может служить использование И. С. Тургеневым в своем творчестве слов *нигилизм* и *нигилист*. Эти лексемы встречаются в русских философских и религиозных текстах задолго до появления романа «Отцы и дети», но популярными и общеизвестными они стали после выхода в свет хрестоматийного произведения И. С. Тургенева.

Таким образом, системное описание влияния идиолексикона на словарный состав литературного языка, по нашему мнению, предполагает учет пяти вышеназванных базовых параметров, которые в своей совокупности отражают сущность изучаемого явления.

Как было отмечено выше, влияние идиолексикона на словарный состав литературного языка может быть многообразным: введение нового слова, нового лексико-семантического варианта и т.д. С нашей точки зрения, логика научной работы по описанию такого рода влияний диктует необходимость создания особого термина для наименования исследуемых нами лексических единиц, в «судьбе» которых выявляется существенная роль тех или иных конкретных личностей. В качестве этого термина

мы предлагаем использовать лексему «персонема», созданную по продуктивной для лингвистической науки модели: от лат. *persona* ('личность, лицо') + суффикс *-ем-* (ср. *фонема, морфема, лексема, синтаксема* и мн. др.).

Персонемы мы предлагаем определять как лексические единицы (слова или лексико-семантические варианты), ставшие частью словарного состава литературного языка и обладающие следующими признаками: а) представленностью в академических нормативных словарях; б) относительно высокой употребительностью; в) принадлежностью к определенному идиолексикону, под влиянием которого данная единица вошла в литературный лексикон и/или претерпела те или иные изменения в ходе своего функционирования.

С нашей точки зрения, многоаспектный анализ персонем должен стать следующим шагом (после успешно осуществленного описания отечественного фонда крылатых выражений в работах [1], [2] и др.) на пути комплексного изучения влияния идиолектов на русский литературный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. — М.: Азбуковник, 2002. — 288 с.
2. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка: в 2-х т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шу-

лежкова. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008—2009.

3. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981—1984.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азъ, 1994. — 907 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 1998. — 1534 с.
6. Большой академический словарь русского языка. — М.; СПб.: Наука, 2004-...
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2008. — 1164 с.
8. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2014-
9. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая. — М.: Грамота, АСТ-Пресс Школа, 2022.
10. Чурикова Е. И. Из истории слов «ледокол» и «вездеход» / Е. И. Чурикова // Распоповские чтения 2024: Сборник научных статей / Отв. ред. С. А. Чуриков. — Продолжающееся научное издание. Вып. 10. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. — С. 213—216.
11. Мещерский Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — 102 с.
12. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 годы XIX века / Ю. С. Сорокин // Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. — М., Л.: Наука, 1965. — 565 с.

Воронежский государственный университет
Чурикова Е. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: anelem15@yandex.ru

Voronezh State University
Churikova E. I., post-graduate student of the Department of
Russian Language
E-mail: anelem15@yandex.ru